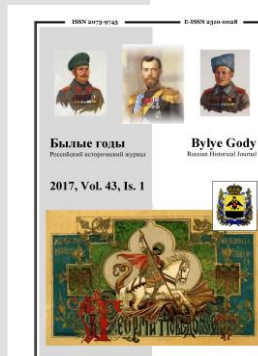

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 257-264, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.257
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 323.2

The Interaction of Civil Society Institutions and the State in the Sphere of Youth Policy Implementation: the Russian Experience of the Beginning of XX Century

Pavel A. Merkulov ^{a,*}, Vadim V. Sokolov ^a, Alexey V. Melnikov ^a

^aCentral Russian Institute of management – branch of Ranepa, Russian Federation

Abstract

This article is about the Russian experience of the beginning of XX century on the interaction of institutions of civil society and the state in the implementation of youth policy. Uncovering the aforesaid problem, the authors paid significant attention to the methodological implications of their research. The author's position is that in the framework of historical research on the issue of state youth policy requires the use of a wide multidisciplinary methodological tools based on understanding the predictable result, according to which elected and specific research approaches to the analysis of empirical data. Empirical research includes a variety of types of historical sources to give a comprehensive detailed description of state youth policy. The authors note that the main and most important group of sources for the stated problems is documents from the collections of various Russian archives. Analyzing the historiography of the topic, the authors come to the conclusion that the history of the formation of the state youth policy in the pre-revolutionary period had not yet become the subject of a special study, especially in terms of interaction of state structures with civil society institutions.

The main conclusions of the authors on the topic boil down to the fact that at the beginning of the XX century there is a transition from General social policy, which was periodically involved elements of state policy in relation to young people, i.e. youth policy of the estates to her all-classes character. The system of sectoral management bodies at this stage of the development process of the state youth policy is not yet formed. This significantly increases the role of non-state actors and organizations, vallecacana in the process of socialization of young people. The authors come to the conclusion that in the early twentieth century. appear three main criteria that should be considered basic to identify in the General system of public administration targeted state youth policy. To these criteria, the authors include: the presence of the target social groups; the presence of a normative-legal base regulating the corresponding relations; the imputation of responsibilities for implementation of activities for youth to government with General competence. However, the authors believe that until the end of the existence of the monarchy in Russia, the state policy towards young people has been fairly eclectic.

Keywords: governance, youth, national youth policy, civil society institutions, socialization of youth.

1. Введение

Молодежь нигде и никогда не была в стороне от сколько-нибудь крупных общественных процессов, но, при этом, она очень часто заявляла о себе в истории в качестве стихийной социальной массы, демонстрирующей миру свою разрушительную силу. Неслучайно забота о молодом поколении всегда была в сфере самого пристального внимания не только государства, но и общественных институтов, которые играли значительную роль в осуществлении государственной молодежной политики (Мельников, 2015: 105-109). Поэтому, на наш взгляд, крайне важно изучать исторический

* Corresponding author

E-mail addresses: nio-ranepa57@mail.ru (P.A. Merkulov), nio-ranepa57@mail.ru (V.V. Sokolov), nio-ranepa57@mail.ru (A.V. Melnikov)

опыт (прежде всего, отечественный) взаимодействия государства и гражданского общества в части разработки и реализации государственной молодежной политики (Мельников, 2014: 60-63). Чему, собственно говоря, и посвящена данная статья.

2. Материалы и методы

Характеризуя теоретико-методологический инструментарий, использовавшийся при подготовке этой статьи, авторы посчитали необходимым выделить ряд концептуальных моментов.

Во-первых, вопрос о времени возникновения государственной молодежной политики в России как сложного комплексного политико-управленческого феномена заслуживает отдельного рассмотрения, и поэтому будет выведен за рамки представленной статьи. Во-вторых, авторы исходят из объективного факта формирования молодежной политики в Российской империи (как отдельной системы управленческих мероприятий) на достаточно позднем этапе развития отечественного госуправления. В-третьих, представляется возможным говорить о том, что применительно к заявленной теме, можно абстрагироваться от выделения стадийности ряда процессов, несомненно, значимых для понимания развития российского государства и институтов гражданского общества в части реализации молодежной политики. Таким образом, методологическая база научного осмысления заявленной проблематики определяется спецификой изучения молодежной политики как комплекса разнообразных историко-правовых и социально-политических аспектов рассматриваемого вопроса, изучение которого с позиций данного подхода предполагает использование междисциплинарных методов исследования на основе принципов системности и историзма. В работе также использован описательный метод общественных (в том числе, молодежных) организаций начала XX века, ретроспективный анализ педагогического опыта работы с подрастающим поколением.

Использованные при подготовке данной статьи исторические источники, позволили дать характеристику взаимодействию институтов гражданского общества с органами власти в сфере реализации государственной молодежной политики в обозначенных хронологических рамках. Основную и важнейшую группу источников составили документы, отложившиеся в фондах различных российских архивов, таких как ЦГАМ, РГИА, ГАРФ, РГАСПИ. Значительная информация по рассматриваемой проблеме содержится в уже опубликованных архивных данных, включая материалы политических партий дореволюционной России и мемуары непосредственных современников рассматриваемого исторического периода (Меркулов, 2014: 8; Сидорова, Щербакова, 2006).

3. Обсуждения

Говоря о различных подходах к заявленной проблеме, нельзя не отметить, что вопрос об историографии государственной молодежной политики прямым образом связан с исследовательскими гипотезами авторов соответствующих работ, которые затрагивают (в той или иной степени) государственную молодежную политику в «романовский» период истории России начала XX в.

К отмеченной группе исследований относится весьма небольшое количество публикаций отечественных историков (отчасти, социологов и правоведов), которые вполне справедливо отмечают, что первые научные труды, посвященные системе отношений между молодежью и современным ей обществом, во всех проявлениях относятся еще к рубежу XIX–XX вв. и представлены трудами известных российских ученых либерального направления (Янжул, 1880: 427-474; Ковалевский, 1908: 54; Зубок, Чупров, 2008: 108-117).

Вместе с тем, нельзя не обозначить, что в работах представителей всех общественно-гуманитарных наук зачастую (как в явной, так и неявной форме) присутствует (впрочем, мало развиваемый) тезис о том, что молодежная политика всегда имманентно присутствует в деятельности государства. Это характерно для правового позитивизма, который (одновременно с взглядами С.А. Муромцева) получил развитие в России еще в XIX в. благодаря трудам Г.Ф. Шершеневича (Меркулов, 2014: 240). Тем не менее, подобная точка зрения наиболее близка к исследовательской позиции авторов данной статьи и основывается на постулате о том, что о молодежной политике государства, существующей в том или ином виде, можно говорить с момента, когда молодежь начинает выделяться государством как особая социальная группа, получающая соответствующее отражение в нормативно-правовой базе (Меркулов, 2012: 186-191). В данный период заметное внимание уделялось молодежной проблематике в законотворческой практике политических партий в части регулирования трудовых отношений с привлечением несовершеннолетних рабочих (Янжул, 1880: 427-474; Меркулов 2014: 240). Особый корпус работ по различным аспектам молодежной политики связан с новым этапом развития системы народного просвещения в России (Материалы по реформе средней школы, 1915: 431-438; Победоносцев, 1993: 161; Розанов, 2003: 206-207; Сапрыкин, 2009; Иванов 2004). Следует отметить, что именно в рамках этого направления историографии намечаются первые попытки теоретического осмысления государственной молодежной политики как социального феномена, применительно к российской действительности начала XX вв. Отдельного

внимания заслуживают исследования, посвященные проблемам военно-патриотического воспитания молодого поколения в начале XX века (Belencov et al., 2016: 1316; Molchanova et al., 2013: 89-93).

Завершая историографический обзор, отметим, что анализ сложившейся историографии по изучаемой проблеме позволяет утверждать: история формирования государственной молодежной политики в предреволюционный период еще не стала предметом специального исследования, особенно в части взаимодействия госструктур с институтами гражданского общества. Собственно, поэтому указанные обстоятельства и предопределили выбор заявленной темы.

4. Результаты

Опираясь на обозначенные выше концептуальные подходы, авторы пришли к выводу о том, что проблема формирования и реализации государственной молодежной политики в России начала XX в. находила свое решение в создании механизмов, объединяющих усилия государственного аппарата и тех социальных слоев и общественных институтов, которые государство рассматривало в качестве своей опоры. В высших эшелонах власти на вполне сформировавшемся идейном уровне была представлена более консервативная точка зрения, отводившая, главную роль в вопросе социализации молодежи институту семьи. Этой позиции придерживался обер-прокурор Священного Синода, ставший символом российского консерватизма, К.П. Победоносцев, писавший в одной из своих работ: «Воспитание детей составляет, прежде всего, естественную обязанность родителей... Государственная власть вообще не вмешивается в это дело частной домашней жизни» (Победоносцев, 1993: 161). Однако логика необходимости повышения эффективности государственной политики путем институциональной реформы, в конечном счете, возобладала.

В качестве примера симбиоза государства и институтов гражданского общества в решении задач молодежной политики в начале XX в. можно привести реформируемую систему попечительных комитетов/советов. Смысл заключался в том, что в ходе реформы, начатой министром народного просвещения Н.П. Боголеповым, в форме рескрипта Николая II от 25 марта 1901 г. был запущен процесс формирования механизма, дававшего родителям возможность участия в управлении учебными заведениями. Попечительные комитеты/советы были созданы 1 июля 1914 г. Другой этап реформ, проходивший не в самое успешное время Первой мировой войны (1915–1916 гг.) при министре П.Н. Игнатьеве, завершил формирование новой системы управления учебными заведениями с участием общественности. Эта система включала в себя педагогические советы, хозяйственные, родительские комитеты и в ряде случаев советы попечителей.

Идеи о введении гражданского контроля были восприняты положительно в обществе (Розанов, 2003: 206-207). Отвечая на призыв общественности обратить внимание на отсутствие у родительских комитетов юридически закрепленных прав, в Министерстве народного просвещения был подготовлен проект устава родительских организаций получивших правовой статус, содержательно напоминавший статус педсоветов. Их компетенция была значительно расширена за счет включения вопросов учебно-воспитательного характера (Меркулов, 2014: 284). В проекте Устава была прописана процедура выборов в руководящие органы родительских организаций, представлявших сообщество родителей в педагогическом и попечительном советах и хозяйственном комитете. В этой связи можно согласиться с точкой зрения о том, что принятие этого устава стало вершиной в развитии системы взаимодействия государства и гражданского общества по осуществлению молодежной политики в части образования (Материалы по реформе средней школы, 1915: 431-438).

Как можно заметить, в начале XX в. увеличивается общественная активность, связанная с попытками гражданского общества и государства организовать работу с молодежью по типу движений, уже давно существовавших в Европе (скаутов и т.п.). Это требовало разработки соответствующего законодательства. Прежде всего, требовалось сформировать практику регистрации уставов молодежных организаций, а также юридически закрепленного отношения государства к деятельности этих организаций в части осуществления государственной молодежной политики (РГАСПИ, Ф. М-26. Оп. 1. Д. 37).

Начало данного процесса может быть отнесено к 1909–1916 гг., когда в Москве создавались детские общества, ориентированные на интеллектуальное, физическое и эстетическое развитие молодого поколения (Меркулов, 2014: 285; Туманова, 2008).

Наиболее известным из молодежных движений рассматриваемого периода являлось движение скаутов. Скаутизм был направлен на формирование патриотических настроений у молодого поколения (РГИА. Ф. 733. Оп. 201. 1907. Д. 37). Итогом воспитательной работы в рамках скаутских организаций становилось формирование гражданского сознания и любви к своему Отечеству (Подробнее: Беленцов и др., 2016: 1317).

Помимо этого можно отметить деятельность молодежи связанную с оказанием помощи инвалидам и раненым в битвах Первой мировой войны; семьям, оставшимся без кормильцев и т.д. Наиболее известными стали, конечно, новации в области создания и деятельности Военно-промышленных комитетов и подобных им организаций с привлечением молодежи. Вместе с тем, эта позитивная составляющая государственной молодежной политики сочеталась с негативными проявлениями, направленными на подавление антиправительственных движений в молодежной среде (РГАСПИ, Ф. М-26. Оп. 1. Д. 26; РГАСПИ Ф. М-26. Оп. 1. Д. 29; Меркулов, 2014: 286).

В начале XX в., в связи с некоторой либерализацией законодательства в отношении деятельности религиозных организаций, не связанных с Русской православной церковью, в стране активизируется деятельность сектантских обществ, делающих ставку на вовлечение неопитов именно из числа молодежи. С 1908 г., когда был создан и начал свою работу «всероссийский союз христианской молодежи», бывший отделом «Всероссийского союза евангельских христиан», на молодежь стали обращать внимание евангельские христиане ([Первый Всероссийский съезд кружков баптистской молодежи..., 1909: 3](#)).

Помимо отмеченных выше четко акцентированных по политическому или религиозному принципу организаций, начало XX в. было отмечено также формированием организаций внепартийного и внеполитического толка, ориентированных на удовлетворение потребностей в области культуры (прежде всего, физической). Речь, прежде всего, о русском варианте чешского сокольства – физкультурном движении, интересном тем, что его можно классифицировать как первую общероссийскую организацию, получившую государственную регистрацию, широкое распространение и признание в разных слоях русского общества ([Меркулов, 2014: 287](#)). Своего рода символом поддержки этого движения стало вступление в «Союз Русского Сокольства», созданный в 1910 г., первого премьер-министра России П.А. Столыпина вместе со своим сыном. На учредительном съезде (1911 г.) были декларированы «принципы демократизма и любви к ближнему, сознание гражданского и общественного долга и альтруизм». К 1914 г. в 26 городах России действовало более 40 сокольских организаций ([Мацукевич, 2011](#)). Говоря об их взаимодействии с органами госвласти, отметим, что активное участие в легализации сокольского движения принимали депутаты Государственной думы, а сам Союз просуществовал до 1917 г. ([Качулина, 2007](#)).

Параллельно с сокольством развивалось и движение русских скаутов, ориентированное на подготовку молодежи к служению Отечеству. В России движение скаутов зародилось в 1909 г., а в 1910 г. были созданы «Легион юных разведчиков» и «Московская дружина юных разведчиков» ([Жуков, 1916: 315](#)). Организация скаутского движения интересна тем, что инициирована сверху и имела изначальное целеполагание в контексте государственных задач в сфере молодежной политики ([Правила организации юных скаутов, 1910](#)). Надо отметить, что попытка правящих кругов создать нечто подобное движению скаутов, но с четко выраженной национальной спецификой, также имела место. Подобную военизированную организацию для молодежи попытались создать как вариант петровских «потешных» войск ([Правила потешных..., 1911: 16](#)). Школы военного строя, по своей сути, были весьма далеки от политики и шовинизма ([Molchanova et al., 2013: 89-93](#)). В них дети обучались маршировке, военной гимнастике и ружейным приемам, причем в каждом обучающемся развивалось стремление к героизму. В этом отношении главной целью «потешных» организаций являлось заинтересовать молодежь, разбудить в ней чувства соревнования и социальной активности. Однако калка с армейской муштры не способствовала популярности такой организации в молодежной среде. Чаша весов склонилась в пользу скаутов. Неудача «потешных» привела к поддержке классического скаутизма, и в августе 1914 г. было организовано «Общество содействия мальчикам-разведчикам» – «Русский скаут». В 1915 г. руководитель движения Э.П. Цытович привлек к движению скаутов великого князя Георгия Константиновича. Он, по Высочайшему распоряжению Императора Николая II, внес в списки Царскосельского отряда Цесаревича Алексея, ставшего Первым скаутом России. Участие в организации скаутов принимала и Великая княгиня Елизавета Федоровна, сестра императрицы, покровительствовавшая «Обществу содействия организации юных разведчиков (скаутов)» ([РГАСПИ. Ф. М-26. Оп. 1. Д. 37](#)). Движение нашло отклик в стране, и, по мере его распространения, встал вопрос об объединительном съезде, где участвовали бы и скауты, и разведчики, и потешные. Данное мероприятие прошло в 1915 г., когда первый скаутский съезд («Первый Съезд представителей скаутских организаций и лиц, интересующихся скаутизмом» и «Всероссийский съезд инструкторов и лиц, интересующихся скаутизмом») утвердил устав, организационную структуру, символику и т.п. русского скаутизма. Интересна та часть его решений, где говорится о том, что «скаутизм не может и не должен иметь целью втягивать юные души школьников в политику с ее водоворотом страстей. Политика должна быть чужда юной, еще не окрепшей душе школьника» ([Документы первого всероссийского съезда..., 1915; Жуков, 1916: 11-16](#)).

К осени 1917 г. в России насчитывалось 50 тыс. скаутов в 143 городах, что делает скаутов объективно крупнейшей организацией в России.

В целом, скаутское движение, его возникновение и развитие показывает, что государственная молодежная политика обретает принципиально новые черты, отыскивая пути реализации в целевых проектах, осуществлявшихся государством в плотном взаимодействии с институтами гражданского общества.

Вместе с тем, известная неофициальность присуща созданию структур управления молодежным движением. Так, в случае со скаутами, организационная структура формируется из добровольцев, офицеров в отставке, к которым обращается верховная власть, аналогичный процесс идет в рамках благотворительных обществ, консолидирующих волонтеров и выступающих в роли системообразующих организационных структур.

Это особенно примечательно, если обратиться к анализу практики партийного строительства, свойственного российским политическим партиям начала XX в., не относящимся к организациям конспирологического или вождистского типа. Там мы увидим весьма сходную картину принципов

организационного строительства. Поэтому отсутствие специализированных отраслевых структур государственного управления в сфере реализации молодежной политики – явление, которое вполне соответствует духу тогдашней эпохи.

Параллельно в России формируется и совокупность организаций в области физической культуры. Они, не будучи чисто молодежными по своему целеполаганию, тем не менее, показывают процесс встраивания государственных органов в новую систему взаимоотношений с гражданским обществом в сфере социализации молодежи.

В совокупности все отмеченные выше факторы показывают, что в начале XX в. в государственной молодежной политике в России наступает качественно новый этап. Прежде всего, он связан с изменениями и в объекте, и в элементах управленческого воздействия. Что касается объекта, то в первом десятилетии XX в. под управленческое воздействие попадало уже не только студенчество – первая всеобщая группа молодежи, но целая совокупность социальных групп, включая студенчество, прочие категории учащейся молодежи, рабочую молодежь, кадетов, а также детей и подростков из, по современной терминологии, неблагополучных семей.

Что касается элементов самого управляющего воздействия (прежде всего, таких, как целеполагание и организация) в государственной молодежной политике начала XX в., то они также изменились. Если в период до начала революционных волнений первого десятилетия XX в. мы можем говорить о том, что государственная молодежная политика фактически не затрагивала вопросы социализации молодежи, то после революционных событий ситуация претерпела существенные изменения. Прежде всего, это связано с появлением системных проектов государства в отношении молодежи, в которых (хотя и на зачаточном уровне) проявляются одновременно три критерия, которые мы считаем базовыми для идентификации в системе государственного управления наличия целенаправленной государственной молодежной политики: целевая социальная группа; нормативно-правовая база, регулирующая соответствующие отношения; органы государственного управления специальной компетенции.

Изучение структуры органов государственного управления, реализующих те или иные направления молодежной политики, требует своего особого методологического подхода. Прежде всего, потому, что в рассматриваемый период мы имеем дело не с четко структурированными органами отраслевого управления молодежной политикой, а с временными, как правило, чрезвычайными органами управления, либо с делегированием данной функции действующему органу управления. Структурно они находятся в рамках министерств, отвечающих за реализацию основных направлений социальной политики государства. В то же время, как показывает изучение объекта, на который направлено соответствующее управляющее воздействие, это, прежде всего, студенческая молодежь. Для России в данном контексте ключевым органом власти было Министерство народного просвещения. К другим видам органов, реализовавших государственную молодежную политику, следует отнести специальные комиссии и совещательные структуры. Они имели временный характер, их решения сами по себе не носили нормативного характера, однако особенности российской политико-правовой практики соответствующего периода показывают, что положительная резолюция монарха на специальном докладе, записке придавали данным документам если не непосредственно нормативное, то, несомненно, директивное значение. Наконец, к третьей группе органов, реализовавших отдельные аспекты государственной молодежной политики, следует отнести действовавшие на постоянной основе структурные единицы и подразделения отраслевых органов управления, осуществлявших социальную политику. К таковым, прежде всего, можно отнести Министерство народного просвещения. Анализ их деятельности показывает, что были очевидны случаи выделения функций по реализации молодежной политики без изменения штатной структуры, что также можно квалифицировать как отдельный способ реализации управленческой функции в сфере государственной молодежной политики.

Как отмечалось выше, элементы государственной политики в отношении молодежи возникли как составная часть социальной политики государства и, прежде всего, сословной политики в целом. В рассматриваемый период отраслевого специализированного органа государственного управления, реализующего молодежную политику, не возникает, что вполне соответствует ее дискретному характеру. Соответствующие задачи решались путем взаимодействия непрофильных государственных структур и институтов гражданского общества. Так, воспитанием молодых рекрутов в духе общей идеологии государства занимался институт военных священников и офицерство, студенчеством преимущественно ведало Министерство народного просвещения, а в случае возникновения межведомственных проблем создавались временные органы, вроде совещаний министров, чьи ведомства имели свои учебные заведения. Однако наиболее разработанной следует признать молодежную политику в сфере образования.

5. Заключение

Таким образом, анализ механизмов формирования и реализации молодежной политики в России начала XX в. показывает, что для существовавшей системы государственного управления было характерно вменение соответствующих функций органам общей компетенции. Наибольшее значение имели Министерство народного просвещения и Военное министерство. Такое положение дел было отражением общеевропейских тенденций в сфере социализации молодого поколения. Они проявлялись в формировании соответствующих министерств и ведомств, а также в разработке законодательства,

регламентирующей деятельность системы образования. Ранее система нормативно-правовых актов, относящихся к сфере образования, регламентировала статус конкретных учебных заведений. В России, как и в Европе, формируются единообразные национальные системы образования с их параллельной законодательной базой, системой ведомственного управления, разработкой и утверждением типовых уставов учебных заведений всех уровней.

Сходные процессы проходили и на уровне гражданского общества. По мере развития негосударственных структур, хотя и с определенным отставанием, развивалась соответствующая нормативно-правовая база. И, к сожалению, еще более медленными темпами формировалась система политических, административных, организационно-правовых и иных механизмов, обеспечивавших взаимодействие государственных и общественных структур в сфере молодежной политики. Основная нагрузка приходилась на МВД, которое, как отмечалось, реализовывало в основном надзорно-карательные функции, реализуя негативную составляющую молодежной политики.

Как отмечалось выше, имела место и практика создания временных органов специальной компетенции, по преимуществу с совещательными функциями. Однако общий уровень развития социальных отношений не ставил на повестку дня вопрос о создании постоянного органа управления специальной компетенции и формирования молодежной организации универсального характера.

Анализ общей ситуации с реализацией молодежной политики в предреволюционный период показывает, что вплоть до конца существования монархической государственности в России, политика в отношении молодежи осуществлялась достаточно эклектично.

Качественно новый этап в развитии и становлении системы формирования и реализации государственной молодежной политики был связан уже с возникновением государства советского типа, реализующего принципиально иную парадигму участия государства и гражданского общества в процессе социализации молодежи. Но этот этап выпадает из хронологических рамок миссии журнала «Былые годы» и поэтому не будет рассматриваться авторами на страницах данного издания.

Литература

- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
 Документы первого всероссийского съезда..., 1915 – Документы первого всероссийского съезда инструкторов и лиц интересующихся скаутизмом. Пг., 1915.
 Жуков, 1916 – Жуков И.Н. Русский скаутизм. Краткие сведения о русской организации юных разведчиков. Пг., 1916. С. 11–16.
 Zubok, Chuprov, 2008 – Zubok Ю.А., Чупров В.И. Становление и развитие отечественной социологии молодежи // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 108–117.
 Иванов, 2004 – Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX в.: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004. 408 с.
 Качулина, 2007 – Качулина Н.Н. Традиции Сокольских организаций России // Теория и практика физической культуры. 2007. № 4. URL: <http://lib.sportedu.ru/press/TPFK/2007N4/p46.htm> (дата обращения: 12.01.2014)
 Ковалевский, 1908 – Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений России. СПб., 1908. 242 с.
 Материалы по реформе средней школы, 1915 - Материалы по реформе средней школы. Пг., 1915. С. 431–438.
 Мацукевич, 2011 – Мацукевич О.Ю. Сокольское движение как социально-педагогический феномен. URL: http://www.rusnauka.com/23_NPM_2011/Pedagogica/6_91404.doc.htm (дата обращения: 12.01.2014).
 Мельников, 2014 – Мельников А.В. Молодежные общественные объединения как институт гражданского общества // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. №4(34). С. 60-63.
 Мельников, 2015 – Мельников А.В. Формирование общественно-политического потенциала российской молодежи в процессе политической социализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. №5. С. 105-109.
 Меркулов, 2012 – Меркулов П.А. Молодежь и либеральные партии России – между принципами и политической целесообразностью // «Время выбрало нас: Путь интеллектуала в политику» IV Муромцевские чтения. Сб. материалов научной конференции. 25–26 октября 2012 г. Орел, 2012. С. 186–191.
 Меркулов, 2014 – Меркулов П.А. Исторический опыт разработки и реализации государственной молодежной политики в России (вторая половина XIX в. – начало XXI в.). Монография. Орел: издательство ОФ РАНХиГС. 2014. 488 с.
 Первый Всероссийский съезд кружков баптистской молодежи..., 1909 - Первый Всероссийский съезд кружков баптистской молодежи, юношей и девиц в Ростове-на-Дону. Ростов-на-Дону, 1909. С. 3.
 Победоносцев, 1993 – Победоносцев К.П. Народное просвещение // Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 161.
 Правила потешных..., 1911 – Правила потешных пятой сибирской стрелковой дивизии // Потешный. 1911. № 10. С. 16.

- Правила организации юных скаутов, 1910 – Правила организации юных скаутов // *Юный разведчик*. М., 1910.
- РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.
- Розанов, 2003 – Розанов В.В. Вести из учебного мира // *Русская государственность и общество* (Статьи 1906–1907 гг.). М., 2003. С. 206–207.
- Сапрыкин, 2009 – Сапрыкин Д.Л. Образовательный потенциал Российской Империи. М., 2009.
- Сидорова, Щербакова, 2006 – Россия под надзором: Отчеты III Отделения 1827–1869 гг. Сб. документов / Сост. М. Сидорова и Е. Щербакова. М., 2006. 706 с.
- Туманова, 2008 – Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX в. М., 2008. 328 с.
- Янжул, 1880 – Янжул И.И. Детский и женский фабричный труд в Англии и России // *Отечественные записки*. 1880. № 2. С. 427-474.
- Belencov et al., 2016 – Belencov S.I., Fahrutdinova A.V., Kuznecova A.A. Voennaja podgotovka shkol'nikov v Germanii v nachale XX veka [The Military Training of Students in Germany in the Early XX century] // *Bylye Gody*. 2016. №42. p. 1316, 1317.
- Molchanova et al., 2013 – Molchanova V.S., Cherkasov A.A., M. Shmigel'. Molodezh' i patrioticheskie nastroenija v period carstvovanija imperatora Nikolaja II [Youth and Patriotic Sentiments during the Reign of Emperor Nicholas II]. // *Bylye Gody*. 2013. №30 (4). pp. 89-93.

References

- Belencov et al., 2016 – Belencov S.I., Fahrutdinova A.V., Kuznecova A.A. (2016). Voennaja podgotovka shkol'nikov v Germanii v nachale XX veka [The Military Training of Students in Germany in the Early XX century]. *Bylye Gody*. №42. pp. 1316, 1317.
- GARF – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State archive of the Russian Federation].
- Dokumenty pervogo vserossijskogo s#ezda instruktorov i lic interesujushhihsja skautizmom. [Documents of the first all-Russian Congress of instructors and individuals interested in scouting]. Pg., 1915. [in Russian]
- Zhukov, 1916 – Zhukov I.N. (1916). Russkij skautizm. Kratkie svedenija o russkoj organizacii junyh razvedchikov. [The Russian scoutism. Brief information about organization of Russian young scouts] Pg., pp. 11–16. [in Russian]
- Zubok, Chuprov, 2008 – Zubok Ju.A., Chuprov V.I. (2008). Stanovlenie i razvitie otechestvennoj sociologii molodezhi [The formation and development of Russian sociology of youth]. *Sociologicheskie issledovanija*. 2008. № 7. pp. 108–117. [in Russian]
- Ivanov, 2004 – Ivanov A.E. (2004). Studencheskaja korporacija Rossii konca XIX – nachala XX v.: opyt kul'turnoj i politicheskoj samoorganizacii. [Student Corporation of Russia of late XIX – early XX century: experience of political and cultural self-organization]. М., 2004. 408 p. [in Russian]
- Kachulina, 2007 – Kachulina N.N. (2007). Tradicii Sokol'skih organizacij Rossii [Tradition Sokol organizations of Russia]. *Teorija i praktika fizicheskoj kul'tury*. № 4. URL: <http://lib.sportedu.ru/press/TPFK/2007N4/p46.htm> (data obrashhenija: 12.01.2014). [in Russian]
- Kovalevskij, 1908 – Kovalevskij M.M. (1908). Oчерки po istorii politicheskikh uchrezhdenij Rossii. [Essays on the history of political institutions of Russia]. SPb., 242 p. [in Russian]
- Materialy po reforme srednej shkoly, 1915 – Materialy po reforme srednej shkoly. [Materials on the reform of the secondary school]. Pg., 1915. pp. 431–438. [in Russian]
- Macukevich, 2011 – Macukevich O.Ju. (2011). Sokol'skoe dvizhenie kak social'no-pedagogicheskij fenomen. [Sokol movement as a socio-pedagogical phenomenon] URL: http://www.rusnauka.com/23_NPM_2011/Pedagogica/6_91404.doc.htm (data obrashhenija: 12.01.2014). [in Russian]
- Mel'nikov, 2014 – Mel'nikov A.V. (2014). Molodezhnye obshhestvennye obedinenija kak institut grazhdanskogo obshhestva [Youth associations as Institute of civil society]. *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk*. 2014. №4(34). pp. 60-63. [in Russian]
- Mel'nikov, 2015 – Mel'nikov A.V. (2015). Formirovanie obshhestvenno-politicheskogo potenciala rossijskoj molodezhi v processe politicheskoj socializacii [The formation of the socio-political potential of the Russian youth in the process of political socialization]. *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk*. №5. pp. 105-109. [in Russian]
- Merkulov, 2012 – Merkulov P.A. (2012). Molodezh' i liberal'nye partii Rossii – mezhdru principami i politicheskoj celesoobraznost'ju [The youth and the liberal party of Russia – between principles and political expediency] // «Vremja vybralo nas: Put' intellektuala v politiku» IV Muromcevskie chtenija. Sb. materialov nauchnoj konferencii. 25–26 oktjabrja 2012 g. Orel. pp. 186–191. [in Russian]
- Merkulov, 2014 – Merkulov P.A. (2014). Istoricheskij opyt razrabotki i realizacii gosudarstvennoj molodezhnoj politiki v Rossii (vtoraja polovina XIX v. – nachalo XXI v.). [Historical experience in the development and implementation of state youth policy in Russia (second half XIX – beginning of XXI century)] Monografija. Orel: izdatel'stvo of ranhigs. 488 p. [in Russian]
- Molchanova et al., 2013 – Molchanova V.S., Cherkasov A.A., M. Shmigel'. (2013). Molodezh' i patrioticheskie nastroenija v period carstvovanija imperatora Nikolaja II [Youth and Patriotic Sentiments during the Reign of Emperor Nicholas II]. *Bylye Gody*. №30(4). pp. 89-93. [in Russian]

- Pervyj Vserossijskij sezid kruzhkov baptistskoj molodezhi..., 1909 – Pervyj Vserossijskij sezid kruzhkov baptistskoj molodezhi, junoshej i devic v Rostove-na-Donu. [The first all-Russian Congress of Baptist youth groups, boys and girls in Rostov-on-Don] Rostov-na-Donu, 1909. p. 3. [in Russian]
- Pobedonoscev, 1993 – *Pobedonoscev K.P.* (1993). Narodnoe prosveshhenie [Public education] // Velikaja lozh' nashego vremeni. M. [in Russian]
- Pravila poteshnyh..., 1911 – Pravila poteshnyh pjatoy sibirskoj strelkovoju divizii [The amusing rules of the fifth Siberian rifle division]. *Poteshnyj*. 1911. № 10. p. 16. [in Russian]
- Pravila organizacii junyh skautov, 1910 – Pravila organizacii junyh skautov [The rules of the organization of young scouts]. *Junyj razvedchik*. M., 1910. [in Russian]
- RGASPI – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii [Russian state archive of socio-political history]. [in Russian]
- Rozanov, 2003 – *Rozanov V.V.* (2003). Vesti iz uchebnogo mira [News from the educational world] // Russkaja gosudarstvennost' i obshhestvo (Stat'i 1906–1907 gg.). M., pp. 206–207. [in Russian]
- Saprykin, 2009 – *Saprykin D.L.* (2009). Obrazovatel'nyj potencial Rossijskoj Imperii. [Educational potential of Russian Empire]. M. [in Russian]
- Sidorova, Shherbakova, 2006 – Rossiya pod nadzorom: Otchety III Otdelenija 1827–1869 gg. Sb. dokumentov [Russia under surveillance: the Report of the division III 1827–1869. A Collection of documents] / Sost. M. Sidorova i E. Shherbakova. M., 2006. 706 p. [in Russian]
- Tumanova, 2008 – *Tumanova A.S.* (2008). Obshhestvennye organizacii i russkaja publika v nachale XX v. [Public organizations and the Russian public in the early twentieth century]. M., 328 p. [in Russian]
- Janzhul, 1880 – *Janzhul I.I.* (1880). Detskij i zhenskij fabrichnyj trud v Anglii i Rossii [Children's and women's factory labor in England and Russia]. *Otechestvennye zapiski*. № 2. pp. 427–474. [in Russian]

УДК 323.2

Взаимодействие институтов гражданского общества и государства в сфере осуществления молодежной политики: российский опыт начала XX века

Павел Александрович Меркулов ^{a, *}, Вадим Вячеславович Соколов ^a, Алексей Викторович Мельников ^a

^a Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье рассматривается российский опыт начала XX века по взаимодействию институтов гражданского общества и государства в сфере осуществления молодежной политики. Авторская позиция заключается в том, что в рамках исторического исследования по проблеме государственной молодежной политики требуется использование широкого междисциплинарного методологического инструментария исходя из понимания прогнозируемого результата, в соответствии с которым избираются и конкретные исследовательские подходы к анализу эмпирической базы. Эмпирика включает в себя разнообразные виды исторических источников, позволяющих дать всестороннюю развернутую характеристику государственной молодежной политики. Анализируя историографию вопроса, авторы приходят к выводу о том, что история формирования государственной молодежной политики в предреволюционный период еще не стала предметом специального исследования, особенно в части взаимодействия структур с институтами гражданского общества.

Основные выводы авторов по заявленной теме сводятся к тому, что в начале XX века система отраслевых органов управления в сфере осуществления молодежной политики еще не сформировалась. При этом значительно возрастает роль негосударственных структур и организаций, вовлекающихся в процесс социализации молодежи. Авторы полагают, что в начале XX в. проявляются три основных критерия, свидетельствующих о появлении в России целенаправленной государственной молодежной политики. К этим критериям авторы относят: наличие целевой социальной группы; наличие нормативно-правовой базы, регулирующие соответствующие отношения; вменение обязанностей по осуществлению деятельности в отношении молодежи органу государственного управления общей компетенции. Тем не менее, авторы убеждены, что в России вплоть до конца существования монархии политика государства в отношении молодежи осуществлялась достаточно эклектично.

Ключевые слова: государственное управление, молодежь, государственная молодежная политика, институты гражданского общества, социализация молодежи.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nio-ranepa57@mail.ru (П.А. Меркулов), nio-ranepa57@mail.ru (В.В. Соколов), nio-ranepa57@mail.ru (А.В. Мельников)